

Д. А. Аманжолова

Институт российской истории РАН, РФ, г. Москва
e-mail: amanzholova19@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ. 1920-Е ГГ.

Проблемы национально-территориального размежевания в Средней Азии автор предлагает анализировать в контексте общего процесса формирования федеративного облика СССР. Исследователи в бывших советских республиках и за рубежом в настоящее время внесли ряд пояснений и дополнений в изучение сложного круга вопросов по названной проблеме, но дискуссии о целесообразности, методах и результатах нациестроительства в советском его варианте для народов современной Центральной Азии остаются актуальными. Оценки историков нередко остаются полярными – от обвинений большевистской власти в нанесении непоправимого ущерба народам до признания прогрессивной роли создания республик, которые практически в том виде, какой сложился в 1920–1930-е гг., стали самостоятельными государствами после 1991 года. Изучение фактов и документов позволяет выделить важную роль местных этноэлит в создании бывших советских республик Средней Азии и Казахской АССР, специфику внутрорегиональных социально-экономических и культурных связей, сложности и противоречия в переходе от традиции к модерности. Культурная сложность общества, множественный характер идентичности представителей разных народов, политические и этносоциальные компоненты в их динамике и взаимодействии предопределили неоднозначные итоги размежевания и историческую инерцию их влияния на развитие и взаимоотношения современных государств региона.

Ключевые слова: СССР, этнонациональная политика, нациестроительство, Средняя Азия, национально-территориальное размежевание

D. A. Amanzholova

Russian history institute RAS, Russia, Moscow
e-mail: amanzholova19@mail.ru

Some problems of national-territorial demarcation in Central Asia. 1920s.

The author suggests analyzing the problems of national-territorial demarcation in Central Asia in the context of the general process of forming the federal image of the USSR. Researchers in the former Soviet republics and abroad have now made a number of clarifications and additions to the study of a complex range of issues on this problem, but discussions about the expediency, methods and results of nation-building in its Soviet version for the peoples of modern Central Asia remain relevant. Historians' assessments often remain polar – from accusing the Bolshevik government of causing irreparable damage to the peoples to recognizing the progressive role of the creation of republics, which, practically in the form that developed in the 1920s and 1930s, became independent states after 1991. The study of facts and documents makes it possible to highlight the important role of local ethnoelites in the creation of the former Soviet republics of Central Asia and the Kazakh ASSR, the specifics of intraregional socioeconomic and cultural ties, difficulties and contradictions in the transition from tradition to modernity. The cultural complexity of society, the multiple nature of the identity of representatives of different peoples, political and ethno-social components in their dynamics and interaction predetermined the ambiguous results of the demarcation and the historical inertia of their influence on the development and relations of modern states in the region.

Key words: USSR, ethno-national policy, nation-building, Central Asia, national-territorial division.

Д.А. Аманжолова

Ресей тарихы институты РФА, Ресей, Мәскеу қ.
e-mail: amanzholova19@mail.ru

Орталық Азиядағы ұлттық-территориялық межелеудің кейбір мәселелері. 1920 ж.

Автор Орталық Азиядағы ұлттық-территориялық межелеу проблемаларын КСРО-ның федералдық бейнесін қалыптастырудың жалпы процесі контекстінде талдауды ұсынады.

Бұрынғы кеңестік республикалардағы және шетелдегі зерттеушілер қазір бұл мәселе бойынша күрделі мәселелер кешенін зерттеуге бірқатар түсініктемелер мен толықтырулар енгізді, бірақ оның кеңестік нұсқасында халықтар үшін мемлекеттік құрылыстың орындылығы, әдістері мен нәтижелері туралы пікірталастар болды. қазіргі Орталық Азияның өзектілігі сақталады. Тарихшылардың бағалары көбінесе полярлық күйінде қалады – большевиктік билікті халықтарға орны толмас зиян келтірді деп айыптаудан бастап, іс жүзінде 1920–1930 жылдары қалыптасқан формада 1991 жылдан кейін тәуелсіз мемлекеттерге айналған республикалар құрудың прогрессивті рөлін мойындауға дейін. фактілер мен құжаттарды зерттеу бұрынғы одақтас Орталық Азия республикалары мен Қазақ АКСР-ын құрудағы жергілікті этникалық элиталардың маңызды рөлін, ішкі аймақтық әлеуметтік-экономикалық және мәдени байланыстардың ерекшеліктерін, қиындықтары мен қайшылықтарын көрсетуге мүмкіндік береді. дәстүрден қазіргі заманға өтуде. Қоғамның мәдени күрделілігі, әр түрлі халықтар өкілдерінің жеке басының сан алуан сипаты, олардың динамикасы мен өзара әрекетіндегі саяси және этноәлеуметтік құрамдас бөліктер ажырасудың екіұшты нәтижелері мен тарихи инерцияның дамуы мен қарым-қатынасына ықпалын алдын ала анықтады. аймақтың қазіргі заманғы мемлекеттері.

Түйінді сөздер: КСРО, этноұлттық саясат, мемлекет құру, Орталық Азия, ұлттық-территориялық межелеу.

Введение и методология

Основные дискуссии по поводу существования многонационального СССР сводятся к нескольким моделям. СССР рассматривается как империя, в которой сама структура, механизмы и практики легитимировали отношения подчинения центральной власти или как империя «позитивной дискриминации» или «империя наций». Советская «цивилизационная миссия» трактуется как упакованная в марксистско-ленинскую формулу помощь ранее отсталым народам; а советская национальная политика была системой определения уровней национального развития и иерархии по сталинской схеме «род – племя – народ – нация», но национальное сознание было несовместимо с советским модернизационным проектом, что привело к официальному мультикультурализму и креолизации. К тому же патерналистская внешняя политика СССР в отношении «социалистического Востока». В результате, признают исследователи, социальное государство и специфическая имперская политика позитивной дискриминации обеспечили модернизацию и модернизм. Москва сформировала в СССР современные нации, и народы СССР не идентифицировали свой статус как колониальный (Gorshenina 2021).

Формирование федеративного облика СССР и межкультурная реинтеграция народов бывшей Российской империи развивались весьма разнообразно, в каждом из регионов отражая экономические возможности обретения внутрисоюзной субъектности, коллизии национального состава населения, межнациональные отношения, разнообразие и особенности взаимоотношений

внутри местной политической элиты, статус и внешнеполитические проблемы как региона, так и всей страны. Впрочем, зигзаги в развитии региональной и этнической идентичности лишь подтверждали огромное значение не только принципов, но и практических мер для переборки страны.

Особенно масштабные преобразования в пользу принципа самоопределения народов и фактического конструирования современных наций в их советском формате были осуществлены в Средней Азии. Государственное регулирование этничности отразилось в интенсивной политике национально-территориального размежевания. Историки расходятся в ее оценке. Т.Мартин, Ф.Хирш, еще ранее А.Беннигсен сосредоточились на решающей роли центра, в том числе в интересах противодействия местным элитам (Мартин 2011; Hirsch 2005; Bennigsen, Broxup 1983). Как пишет один из авторов, этническое измерение этого социально-инженерного проекта было рассмотрено с помощью чрезвычайно методичной попытки распознать, организовать, модернизировать и контролировать этнонациональную идентичность с помощью формальных институциональных структур (Roshwald 2001: 176). Однако простое противопоставление центра и национальных элит, «колонизаторов» и «колонируемых», центра и периферии непродуктивно. Дж. Смит обратил внимание на многофакторность политики большевиков, по необходимости принимавших во внимание условия и обстоятельства мест при административно-территориальном переустройстве страны (Smith 1999). Растущий интерес к междисциплинарности вызвал обращение к визуальным аспектам

истории Центральной Азии. Как правило, историками он реализуется в качестве иллюстративного ряда – фотографии, кинохроники, плакаты. В советское время они были призваны зримо доказывать преимущества неизбежной социально-культурной и хозяйственной модернизации для титульных народов региона. Современные авторы пытаются использовать визуальный контент в разных целях – от анализа его роли в трансформации этносоциального порядка до «разоблачения колонизаторской сущности» советских преобразований (Далаева, Султангадиева 2022). Непосредственно размежевание пока не стало объектом таких исследований.

История размежевания в Средней Азии как направление создания советского типа федерации в последние годы стала рассматриваться более внимательно с учетом активного участия этноэлит в советском нациестроительстве, который в советской историографии прямолинейно трактовался как безусловное признание ими единственно верного социалистического пути прогресса. На деле, уточняют исследователи, это участие было достаточно сложным и противоречивым, сами элиты не были монолитны ни по происхождению и образованию, ни по взглядам и способам участия в советском проекте. Показано также, что т.н. «европейцы» и центр не только выстраивали жесткую вертикаль власти, но и достаточно гибко наращивали разнообразный инструментарий взаимодействия с разными группами этноэлит (Hirsch 2005; Kamp 2006; Баберовски 2010).

Дебаты о подходах

В конечном счете, национально-территориальное размежевание сыграло ключевую роль в создании современных наций в мультикультурном регионе с общеконфессиональной идентичностью населения, когда административными и политическими инструментами были созданы условия для кристаллизации этноидентифицирующих маркеров наиболее крупных народов. Как известно, до 1917 г. административно-территориальные границы Туркестанского генерал-губернаторства, Хивинского и Бухарского ханств не были увязаны с их этническим составом, а в идентичности народов региона доминировал конфессиональный принцип. Самоопределение по-советски не было реализовано и при создании Туркестанской АССР. Это, в частности, сыграло роль в предложении председателя ЦИК ТАССР

Т.Р. Рыскулова преобразовать ее в Тюркскую Советскую республику, а Компартию Туркестана – в Компартию тюркских народов, которое в январе 1920 г. в Ташкенте было принято конференцией III коммунистов-мусульман. V краевая партконференция тоже поддержала идею, но вскоре Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР, созданная в октябре 1919 г., отклонила ее (РГА-СПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 130. Л. 25; V Туркестанская краевая конференция РКП(б) 1920). В конечном счете, ЦК РКП(б) справился с фрондой. 8 марта 1920 г. ЦК отверг реформы Рыскулова как национал-уклонистские и утвердил «Положение об автономии Туркестана». Впрочем, Т. Рыскулов, Н. Ходжаев, С. Турсунходжаев и Г. Бех-Иванов направились в мае в Москву, подготовив «Проект положения о Туркестанской Автономной Советской Республике Российской Социалистической Федерации» и другие обоснования для Ленина. После встречи делегации с ним Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело предложения комиссии 22 июня, а 29 июня 1920 г. приняло постановление «О наших задачах в Туркестане», «Об организации власти в Туркестане», «О партийном строительстве в Туркестане», а также утвердило «Инструкцию Турккомиссии». Москва отвергла рискованные предложения туркестанцев, получив подтверждение опасности территориальной консолидации многочисленных народов страны с общей конфессиональной культурой. Не было принято и предложение члена Туркбюро ЦК РКП(б) Г.И. Сафарова в июле 1920 г. обсудить на пленуме ЦК о национальной политике в Туркестане его идею разделить Туркестан на автономные области (Туркестан, узбеков-сартов – Фергана и Самарканд, а также Киргизию) (Россия и Центральная Азия 2017: 348-373, 382-386, 393). В апреле 1920 г. была образована Хорезмская Народная Советская республика, в сентябре провозглашена Бухарская Народная Советская Республика, обе имели смешанный этнический состав. В марте 1921 г. РСФСР признала самостоятельность Хорезма. 30 октября 1923 г. на 4-м Всехорезмском съезде советов ХНСР была преобразована в Хорезмскую Социалистическую Советскую Республику.

Самоопределение народов огромного региона по общим лекалам советского нациестроительства было осуществлено в середине 1920-х гг. Историка центральноазиатского региона, при известной архаичности стилистики или слабом владении принятой в западной литературе терминологией, связанной с разнообразными тео-

ретическими наработками, достаточно детально реконструируют ценные сюжеты, дополняя имеющиеся лакуны (Кадыров 2005: 232-235; Туркестан в начале XX века 2000; Масов 2005; Қоңыратбаев, Жүнісбаев 2011). Рост внимания к истории размежевания породил дискуссии, прежде всего среди узбекских ученых. А. Ильхамов, издавший при поддержке фонда Сороса «Этнический атлас Узбекистана», считает, что образование Узбекской ССР и проектирование узбекской идентичности стало результатом совместных усилий правящей и культурной элиты – джаидов, национал-коммунистов (Т. Рыскулов и М. Султангадиев) и центра. Он подчеркивает, что для формирования узбеков как нации требовалось не только создать республику, но и внедрить идею нации в массы посредством кодификации языка и национальных символов, для распространения которых проводилась ликвидация неграмотности. Он также отметил роль джаидов и советских востоковедов в обслуживании интересов власти при конструировании приемлемой для нее конфигурации (Этнический атлас Узбекистана 2002).

Ведущие узбекские историки критически оценили издание. Они выступили против оценки политики Узбекской ССР в период ее создания и позже в отношении таджиков как ассимиляционной посредством «узбекизации», что не снимает претензий таджикских историков на сей счет. По поводу трактовки истории размежевания узбекские историки считают, что «многострадальные джаиды в очередной раз, через 100 лет после большевиков, обвиняются в пантюркизме и панисламизме», и считать их идейными организаторами создания Узбекской ССР нельзя, тем паче, что джаиды выступали от имени всех народов региона. Особой критике подвергся Ильхамов за приверженность конструктивистской теории этничности, поскольку таким образом якобы не учитывается массовое самосознание как фактор этноидентификации, а сама позиция ученого на деле сочетает конструктивизм с примордиализмом. Но настоящее негодование вызвала позиция известной исследовательницы национальных проблем и истории Центральной Азии М. Ларуэль, «написавшей, что в Узбекистане якобы исторические исследования направлены на подведение нерушимой базы под представления о преимущественных правах узбекского народа на одноименное государство (в сравнении с другими национальными группами) и обоснования его этнической, политической и

языковой преимущества» (Алимова, Арифханова, Аширов, Назаров 2006: 110-121).

Меж тем таджикский историк К. Абдуллаев, считая главной целью большевиков путем размежевания предотвратить потенциальную угрозу, исходившую от панисламизма и пантюркизма, как антисоветских проектов, признает, что в итоге этническим группам региона был придан большой вес (в том числе международный), и размежевание способствовало их социальному, культурному и экономическому развитию. «Оно исходило из сталинских постулатов о нации, как исторической общности, имеющей общий язык, территорию, экономическую жизнь и психологию, выраженную в общей культуре». При этом сталинская концепция нации, пишет он, была противоположна как империализму, так и представлениям исламского национализма, для которых этничность, язык и территория, не говоря об экономике, не имели значения (Абдуллаев 2009: 252-253).

Событийный ряд

Обратимся к основной исторической канве. В январе 1924 г. Оргбюро ЦК поручило Я.Э. Рудзутаку провести совещание руководящих работников Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик по поводу возможности и целесообразности национального размежевания Средней Азии. 10 марта 1924 г. объединенное совещание ЦК Компартии Туркестана, Президиума ТуркЦИКа с ответственными работниками Ташкента обсудило вопрос «О национальном, территориальном размежевании Туркестана». 23-24 марта 1924 г. вопрос о национально-территориальном размежевании был обсужден на расширенном пленуме ЦК Компартии Туркестана. Пленум одобрил выводы комиссии, признавшей целесообразным размежевание Туркестанской АССР на три основных национальных республики – Узбекскую, Киргизскую (Казахскую) и Туркменскую с одновременным выделением «самостоятельных автономных областей», в том числе – Таджикской. 5 апреля 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад ответственного секретаря ЦК Компартии Туркестана и члена Средазбюро ЦК РКП(б) А. Рахимбаева «О Туркестане, Бухаре и Хорезме (об образовании национальных республик)». В принципе одоблив предложения коммунистических организаций Средней Азии о размежевании, ЦК РКП(б) поручил Сре-

дазбюро подготовить по этому вопросу все необходимые материалы и предложения. В целях дальнейшей разработки вопросов о национально-территориальном размежевании Средней

Азии была создана специальная комиссия Средазбюро ЦК, которая создала три подкомиссии: узбекскую, казахскую и туркменскую (История таджикского народа 2001: 382-386).

На фото, очевидно, узбекская подкомиссия (б.и.).

Так или иначе, и в Москве, и на месте пришлось действовать не только на основе общих принципов, но и быстро реагировать на обнажавшиеся попутно практические проблемы. В дни работы XIII съезда РКП(б) Сталин предложил начать подготовку к размежеванию, дабы разрешить межэтнические «трения» и помочь «выявиться более ярко классовым противоречиям» народов Средней Азии (ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 207). Летом прошла серия подготовительных акций и обсуждений в центре и на местах. Они касались прежде всего территориального разделения среднеазиатских республик, возможности некой федерации из вновь образуемых единиц и их административных центров, системы партийного руководства и др. (ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 207-215). При этом центр обнаружил «обострение национальных взаимоотношений» в парторганизациях региона, пытаясь совместить самоопределение с задачами экономической модернизации и политической стабилизации. Особенно серьезная борьба развернулась вокруг судьбы Ташкента, на который в качестве столицы претендовали казахские деятели. К тому же заместитель Наркомнаца Г.И. Бройдо, побывав в Хиве, предложил создать некий Союз Среднеазиатских ССР с включением «пятым членом» в СССР и «вольный город Ташкент» (ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 216-220).

В итоге 4 июня 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло за основу предложения Средазбюро ЦК о национальном размежевании и образовании Узбекской и Туркменской ССР, входящих в состав СССР, автономной области «каракиргиз» (киргизов) и присоединении Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей с преимущественно казахским населением к Казахской АССР (до 1925 г. Киргизская). 12 июня Политбюро утвердило решение с поправками, в т.ч. о создании автономной области таджиков в составе Узбекской республики. Там же было решено оставить Ташкент в составе Узбекистана (ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 221-222; Россия и Центральная Азия 2017: 525-526).

15 июля 1924 г. Средазбюро ЦК приняло тезисы по подготовке и проведению размежевания среднеазиатских республик. Констатировалось, что проведение размежевания в высшей степени обострило национальные отношения вследствие их чрезвычайной запутанности и экономических противоречий. Так, таджикским деятелям пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться создания самостоятельной политической единицы. 6 сентября 1924 г. границы Таджикской автономной области были утверждены Территориальной комиссией, а 7 сентября – Средазбюро ЦК (История таджикского народа 2001: 387-295).

В сентябре Политбюро определилось с размежеванием Хорезмской республики, пред-

ложив ЦИК СССР заслушать и закрепить образование новых республик и их включение в состав СССР (Россия и Центральная Азия 2017: 527-529). 19 сентября 1924 г. 5-й Всебухарский курултай советов принял решение о преобразовании БНСР в Бухарскую Социалистическую Советскую Республику. Проходивший 29 сентября — 2 октября 1924 г. 5-й Всехорезмский съезд советов объявил о самоликвидации ХССР. Ее территория была разделена созданными между Узбекской и Туркменской ССР и Каракалпакской АО РСФСР. 27 октября 1924 г. была ликвидирована БССР.

На деле повсюду оказалось крайне затруднительно выделить и моноэтничные территории (споры по поводу границ среднеазиатских республик и Ташкента, а также показательная судьба столиц Казахстана), и региональные «федералистские» объединения (пример – Горская АССР на Северном Кавказе), обеспечить управленческие структуры подготовленными представителями титульных этносов и т.д. 7 октября 1924 г. представители киргизского населения в Бухаре обратились к главе комиссии ЦК по вопросам размежевания В.В. Куйбышеву. Из докладной записки следовало, что численность киргизского населения, составлявшего до 380 тыс. в Бухарском эмирате, была заявлена руководством созданной Узбекской республики (Ф. Ходжаев и А. Рахимбаев) лишь в 40 000, а их мусульманская идентичность подвергалась сомнению («будут причислены к «кафирам» и выселены в Оренбург»), сами киргизы якобы находятся «в угнетении узбеков», среди них нет принятых в партию и профсоюзы, и единственным выходом может быть создание автономной области в составе Узбекистана с центром в г. Кермине (Россия и Центральная Азия 2017: 530-532). Однако, писали они, Ф. Ходжаев «не хочет с этим считаться и говорит, что Вам, бухарским киргизам, не следует предоставлять автономное правление, ибо Вы бедны» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 58об.). 11 октября Политбюро приняло еще одно постановление о размежевании, которое касалось требований казахских деятелей по поводу Ташкента и повышения статуса республики до союзной, а также уточнения вопросов управления и финансов. В составе Узбекской ССР создавалась автономная республика таджиков (Россия и Центральная Азия 2017: 533-536).

13 октября Оргбюро ЦК партии обсудило вопросы размежевания и утвердило состав Средазбюро ЦК РКП(б), а 14 октября 13 ведущих

партизников региона обратились в Политбюро с просьбой исключить из состава Средазбюро И. Варейкиса и И. Межлаука, которые якобы поддерживали туркестанцев в ущерб интересам Бухары и Хорезма и в угоду «узкоташкентской политике» (ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 240-241). Сам Варейкис 17 октября обратился в ЦК с просьбой освободить его от работы в регионе из-за склоки, развязанной узбекскими деятелями. «Один факт сохранения межнационального мира, политического равновесия в недрах многонациональной компартии Туркестана, доведенной до состояния каления в момент кризиса с Рыскуловым (в начале текущего года) опровергает приводимые Рахимбаевым мотивы», писал он. В его поддержку выступили представители практически всех только что созданных республик, заявив, что они «против безответственного отвода Варейкиса, который своей выдающейся работой в значительной мере содействовал успеху национального размежевания» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 61-62).

26 октября 1924 г. Пленум ЦК РКП(б) обсудил доклад председателя Средазбюро Я.Э. Рудзутак о размежевании. Он обратил внимание на переплетение межэтнических противоречий с экономическими и считал размежевание обусловленным экономически и политически, вслед за Сталиным поддержав довод о пользе размежевания, дабы «обнажить классовые противоречия внутри каждой народности», а также признал «некоторые благотворные результаты» в умиротворении национальной розни. Более того, он считал, что в случае прекращения такой розни «можно будет создать единую Туркестанскую Республику», правда ко времени размежевания этого не произошло. Сложно оказалось установить и точную численность ряда народов региона. К тому же, «каждое экономическое мероприятие» могло успешно реализоваться, как убедились на основе предшествующего опыта, лишь на основе размежевания «по национальному признаку». Экономика и политика, докладывал Рудзутак, определили необходимость создания республик. При этом сложные проблемы хозяйственного развития региона, как и партийного руководства, предлагалось оставить под контролем общерегиональных структур, подчиняющихся Москве. Определенное влияние на образование и статус новых республик оказывал и внешнеполитический фактор: Хива и Бухара должны войти в состав СССР на договорных началах, дабы в т.ч. противодействовать

английской пропаганде о буфафорской роли этих республик (ЦИК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 242-247).

27 октября 1924 г. вторая сессия ЦИК СССР, «исходя из ясно выраженной воли народов Средней Азии», окончательно санкционировала национальное размежевание и образование новых республик и областей в Средней Азии (СЗ СССР 1925: 187). В ноябре-декабре 1924 г. произошло

фактическое оформление вновь созданных государственных единиц: Узбекской и Туркменской ССР, Таджикской АССР в составе Узбекской ССР, Кара-Киргизской (Киргизской) автономной области в составе РСФСР и Кара-Калпакской автономной области в составе Казахской АССР. 15 марта 1925 г. в Душанбе на городском митинге состоялось торжественное провозглашение Таджикской республики.

Ташкент. Демонстрация с транспарантами о размежевании (б.и.).

На деле, таким образом, происходило сложное переплетение интересов центра и местных элит, активную роль играли разные участники процесса, к тому же динамично адаптировавшие свою тактику и менявшие политические альянсы в ходе размежевания. Это не вполне учитывает труд специалиста по истории джадидизма А.Халида (Khalid 2015). Он отошел от устаревшей версии о насильственном характере политизации этничности середины 1920-х гг. в Средней Азии, совершенного якобы большевиками во вред коренному населению, лидеры которого будто упорно боролись с советским режимом (Keller 2001; Northrop 2004). Халид считает, что «мусульманские интеллектуалы, а не советские этнографы или партия функционеров были настоящими авторами Узбекистана и узбекской нации» (Khalid 2015: 14-15). Историк обращает внимание на активную роль джадидов, «использовавших» советский проект в надежде через политические и культурные

институты, созданные новой властью, реализовать собственные представления о желаемом будущем узбеков. Сделав центром исследования создание узбекской нации, он оценил как «остаточный» вопрос о Таджикистане в комплексе мер по размежеванию. Конкретные перипетии создания этой республики и конструирования нации освещают таджикские историки, обращающие внимание на таджикское происхождение основных представителей местной элиты – прямых участников образования Узбекской ССР (История таджикского народа 2001). Халид справедливо критикует среднеазиатских историков за ограниченное восприятие и трактовку истории создания советских республик и наций, необоснованное противопоставление местных элит центру. Он показал важную роль местных кадров, интеллектуалов и политактивистов в советском национально-государственном строительстве. Портят впечатлительные фактические ошибки: Омск никогда не был столицей Казахской АССР, С. Асфендияров не

был членом ЦК ВКП(б), С. Ходжанова не стоит путать с Ф. Ходжаевым (Халид 2021: 395-415). Об активной роли местных элит в размежевании и нациестроительстве в регионе пишет А. Хауген (Haugen 2003). К сожалению, именно важные вопросы взаимодействия представителей прежнего джадидизма в советском политическом классе региона между собой, как и с центром, а также его назначенцами на местах, не включены в поле зрения Халида.

Региональная специфика

Впрочем, принятые и, казалось, согласованные всеми сторонами решения по поводу новых субъектов федерации не прекратили попытки местных активистов перекроить свежее испеченные образования. Как признавал непосредственный участник размежевания Ф. Ходжаев, Узбекская ССР «сложилась из частей, стоявших на совершенно различных уровнях развития, с различным историческим прошлым». Бывшая Бухара и бывшая Туркесреспублика – «далеко не одно и то же» (Ходжаев 1972: 451).

В Москву поступали разнообразные заявления, ходатайства и жалобы по поводу несправедливого разграничения или притеснений той или иной этнической группы, оказавшейся за пределами «своих» республик. В сентябре 1925 г., к примеру, узбекские делегаты от населения, вошедшего в состав Казахской АССР, обратились в ЦК партии с просьбой предоставить им такую же автономию, как у киргизов в Бухаре, тем более что их численность в КАССР была значительно выше. По их мнению, Чимкент, Аулие-Ата и Туркестан неправомерно переданы в состав Казахстана. В Москве на приеме в ЦК им якобы было заявлено: «...если вам дать автономию, то мы в скором времени присоединимся к Узбекистану и тогда придется уничтожить Кирреспублику».

Основания, приведенные им:

1. То, что, получив автономию, Чимкент отойдет к нам и тогда в какой кишлак переведем мы ЦИК Кирреспублики.

2. Вся доходность Кирреспублики идет от узбек-населения, а с нашим отделением Кирреспублика лишится и этого». Главное препятствие составлял, по мнению заявителей, «бесконтрольный работник» С.Д. Асфендиаров, у которого находилось их дело. Не имея жилья, денег на расходы, и сменной одежды, ходоки писали: «Мы, бедные крестьяне, приехавшие делегатами

в надежде получить удовлетворение на просьбу 200-тысячного населения узбеков Кирреспублики, попали в такое скверное положение». Они предлагали в случае невозможности автономии уравнивать узбекское население в правах с казахским в порядке налогообложения («если киргиза облагают пудом налога, то узбека в три раза больше») (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 129 с об.).

Глава Отдела национальностей ВЦИК Асфендиаров 15 сентября 1925 г. обратил внимание и на связь между экономическим развитием, административно-территориальным устройством и эффективностью управления. «С экономической точки зрения размежевание Средне-Азиатской Республики дало мало положительных результатов. Границы отдельных республик проходят не по естественным преградам, ... Экономическое и торговое тяготение к отдельным центрам не было достаточно учтено». В результате «среди таджикского населения наблюдается стремление к выделению из состава Узбекской республики и образованию самостоятельной республики. Созданная Кара-Калпакская область не имеет под собой твердой экономической базы... Сельское хозяйство вынужденно находится в кочевом состоянии вследствие «капризов» Аму-Дарьи, постоянно меняющей свои берега». Асфендиаров привел примеры дезорганизации управления: в Нуратинском районе Узбекистана большинство населения составляли казахи, узбеки же в основном жили в городах, и в итоге были созданы 2 исполкома. Один имел дело с казахским населением и подчинялся центру КАССР, другой – с узбекским и подчинялся узбекскому центру. В Зитиашинской волости Ташкентской области «засилие в органах власти узбеков», хотя казахи составляли 1/3 населения, в итоге из-за конфликтов то и дело принимаются приговоры о присоединении волости к тем и другим. «Интересно, что в этом споре киргизы были объединены общим национальным интересом и не замечалась родовая борьба». Районирование между тем не помогло приближению чиновного аппарата к населению. В понимании широких беспартийных масс и в самих сельсоветах, «советы – это аульные старшины. Совет находится там, где живет председатель». Общественные организации действовали по привычной схеме. Так, во время кампании МОПРа «председатель делает обязательную раскладку». В Каратугайской волости глава сельсовета был уличен в умышленном уменьшении байского скота на 60%. В не-

которых районах волисполкомы с бедняков в 8 душ семьи при 1 лошади брали 5 руб., а с бая (8 баранов, 12 коров и рабочий скот) 6,5 руб. – в Чарской и Еганской волостях Семипалатинской губернии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 70–83).

В связи с жалобой узбекской делегации 25 сентября Асфендиаров направил в ЦК РКП(б) свои пояснения. По вопросу о выделении узбекского населения, сообщил он, был направлен запрос в КазЦИК. Его пояснения сводились к следующему. В трех уездах Сырдарьинской губернии – Туркестанском, Аулиеатинском, Чимкентском узбеки проживали «в значительном числе, в других вкраплены». Узбекские районы являются экономически и культурно сильными, центром тяготения всего уездного населения, отмечал он. Здесь работали крупные базары, где сосредоточивалась вся жизнь уезда, поэтому считал чрезвычайно затруднительным их выделить и создать автономную область. «Фактически этот означало бы полное упразднение Сыр-Дарьинской губернии. Поэтому вряд ли Казакстан может согласиться на образование Узбекской автономной области. Наиболее целесообразным решением вопроса было бы выделение узбекского населения в самостоятельные административные единицы (волость, район) с организацией низовых органов власти в них из узбеков и обеспечение интересов узбекского меньшинства путем введения его представителей в губернские и республиканские органы». После ответа КазЦИК Асфендиаров обещал поставить вопрос на обсуждение Президиума ВЦИК.

Этническая чересполосица наблюдалась и в других местах, подчеркивал он, что понуждало к новым административно-территориальным реорганизациям. В Ошском районе Киргизской АО преобладало узбекское население. «Город Ош – центр всей Ферганской Киргизии и поэтому при нац[иональном] размежевании Средней Азии Ошский район был передан Киргизской автономной области, несмотря на преобладание узбекского населения (аналогично были переданы Туркменской ССР чисто узбекские районы: Ташауз, Чарджуй). Поэтому и здесь вопрос может быть решен лишь в плоскости выделения в особые административные единицы узбекского населения и обеспечения его интересов в окружных и областных органах власти». Разъяснение узбекских товарищей не соответствует действительности, оправдывался Асфендиаров. «Я им разъяснил, что вопрос будет на Президи-

уме ВЦИК после заключения КазЦИК и предложил изложенный выше вариант. Их инсинуации возмутительны. Я этого вопроса не торможу, и при обсуждении вопроса они будут иметь возможность защищать свои интересы полностью» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 136 с об). Сложности взаимодействия столичных и республиканских ведомств, пересечения групповых инициатив и институциональных импульсов в лице конкретных персонажей, накопивших собственный груз взаимных обид, воспоминаний о прежних эпизодах и упущенных возможностях сильно сказывались на практике национально-государственного строительства. Описанный случай не привел к созданию новой территориальной этнополитической единицы, что могло лишь еще более затруднить и без того непростой процесс модернизации политического пространства.

К тому же, на туркменском съезде советов было заявлено требование передать Шураханский уезд вместе с Турткулем из Узбекистана в состав Каракалпакской автономной области, как веками неразрывно связанных между собой экономическими, родовыми, бытовыми и главным образом ирригационными отношениями. Как считал ответсекретарь оргбюро РКП(б) Каракалпакской автономной области А.К. Досназаров (апрель 1925 г.), только с момента размежевания «нация каракалпак получила самостоятельную единицу по национальному признаку». До этого в работе партии и советов руководящую роль играли киргизы и узбеки, а в обкоме и исполкоме «сидели те национальные акулы, которые не давали хода бедноте». 80% населения совершенно не участвовало в советском и партийном строительстве, каракалпаки не были представлены даже в уездных органах власти. Подвижки в коренизации на местном уровне вызвали рост группировок и сдвиг в составе областного руководства, самоуправство силовых структур, отражавшихся на взаимоотношениях каракалпак-узбеков. Казаха – члена оргбюро, заворга К. Адинаева Досназаров обвинял в «продаже» области и выступал за отделение от Казахской АССР, Адинаев же считал, что «с каракалпаками киргизам работать нельзя», «хочет вновь образовавшийся Каракалпакскую область превратить в киргизскую». В итоге в январе 1925 г. оргбюро постановило вывести Адинаева из своего состава, немедленно выселить его из АО «как неисправимого склочника-группировщика, также вредного элемента», ходатайствовать перед

Киробкомом и КироблКК об его исключении из состава Киробкома и направить весь материал в ЦК РКП и ЦКК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 851. Л. 1-9).

В апреле Досназаров направил в ЦК и Политбюро свою трактовку событий. Он считал, что автономная область была выделена «главным образом, благодаря моим личным хлопотами и ходатайству, так как я действовал по уполномочию беднейшего населения области». Но спровоцированные местными конкурентами трения сначала с Узбекистаном из-за Шураханского уезда, затем с КАССР привели к его отставке. Он просил ЦК разобраться, доказывая, что пользуется популярностью у бедноты, а его уход «может вредно отразиться на психологии бараков и беднейших дехкан, которые видели во мне как батраке истинного своего защитника». Впрочем, наряду с самооправданием, Досназаров обращал внимание и на проблемы, имевшие не только локальный характер. Периодические доклады в ЦК РКП(б) непосредственно уполномоченными отдельных народностей страны принесли бы большую пользу этим народностям, писал он, «так как наличие таких руководителей, как тов. Ходжанов, не даст возможности каждому отдельному народу выявлять свою волю», все их просьбы будут оставаться гласом вопиющего в пустыне («тов. Ходжанов, ведя интеллигентскую политику в работе, окружил себя группой работников с национально-шовинистическим уклоном и частью карьеристами»). Прежнее свое предложение о включении в состав КАССР он считал глубоко ошибочным, а умножение числа субъектов советской федерации не смущало его: «Было бы вполне целесообразным выделить Каракалпакскую Автономную Область из состава КАССР и присоединить ее непосредственно в СССР с переименованием в Каракалпакскую Автономную Социалистическую Советскую Республику», – просил он ЦК поставить вопрос на очередной всесоюзный партсъезд по партлинии («работать рука об руку с тов. Ходжановым я не могу, а потому один из нас должен быть совершенно снят с работы») (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 851. Л. 27-31).

Действительно, как в 1925 г. установила проверка, «советская государственность в Кара-Калпакии находится в зародышевом состоянии» (ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 178. Л. 3). По предложению секретаря Средазбюро И.А. Зеленского Казкрайком в марте 1925 г. отозвал его. Новый секретарь оргбюро РКП(б) Каракал-

пакской АО А. Кудобаев доложил Калинин, что Досназаров «оказался как секретарь, совершенно не годным». Кудобаев подчеркивал, что Досназаров пользуется удаленностью от центра КАССР, «занимался родовыми делами» и подрывал авторитет облбюро и Казкрайкома, создавал межнациональную рознь каракалпаков с узбеками и казахами, а себя выдвигал как жертву народа», прежде всего в Москве. Бывший ответсекретарь облоргбюро РКП(б) в области А. Досназаров в октябре 1925 г. снова обратился с докладом в ЦК и Политбюро партии. Узбекское и казахское руководство, по его мнению, не было заинтересовано в защите интересов малого народа. С Узбекистаном «начались трения» из-за принадлежности Шураханского уезда, а один из руководителей КАССР С. Ходжанов поступил «колониаторски по отношению к народам» Каракалпакии. Он «окружил себя группой работников с национально-шовинистическим уклоном и частью карьеристами», работа в АО будет «в крайне ненормальных условиях», каракалпаки не смогут выявить свою волю (РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 23. Л. 1-7). Внутриэлитные конфликты подтверждали не только объективную слабость кадрового состава, но и определенность подобных ситуаций в условиях форсированного центра нацистроительства. Место же Каракалпакии в федеративной системе самоопределения по-советски уточнялось уже в 1930-е годы: в 1930 г. область все-таки перешла в непосредственное подчинение РСФСР, в 1932 г. получила статус автономной республики, а в 1936 г. была включена в состав Узбекской ССР.

Сложной была ситуация и в Таджикской АССР, образованной в составе Узбекистана. Как считали ответсекретарь ЦК Компартии ТАССР Ч.И. Имамов и председатель Ревкома Таджикской АССР Насратулло Максум (Лутфуллоев), «весьма исключительно важное значение» для развития новой национально-государственной единицы приобрела незамедлительная помощь центра в решении следующих вопросов: оказание помощи реэмигрирующим из Афганистана в Таджикистан в сумме 1.510.000 руб.; увеличение отпускаемых средств ТАССР для строительства разрушенных городов и кишлаков в 1924/25 г.; строительство железной дороги Термез-Дюшамбе; освобождение дехкан автономии от сельхозналога и «возрождение золотопромышленности».

По каждому пункту были приведены аргументы. В частности, после обращения I Всеуз-

бекского съезда советов около 40000 семей беженцев вернулось из-за границы, причем 25% из них были совершенно разорены. Поддержка со стороны власти крайне востребована, «в противном случае увеличится кадр басмачей и борьба с последним, несомненно, затруднится во много раз». Поскольку за последние 5 лет нынешняя автономия превратилась в «абсолютные развалины, местные басмачи, поддерживаемые английским и афганским империализмом, совершенно разрушили города и кишлаки Таджикистана», правительство не может остаться пассивным, когда дехканство «ждет братской помощи от СССР по восстановлению их разрушенных жилищ». Ее размер в дополнение к смете на строительство Узбекистана составлял 500.000 рублей, без чего Таджикистан «ни при каких обстоятельствах не сможет дать возможность дехканству вновь построить свои кишлаки, без каковых дехканство в зимнюю пору не будет иметь своего угла».

Что касается железной дороги, ее отсутствие «ставит совершенно в невыносимые условия борьбу экономическим путем с влиянием английских товаров, проникающих в огромных количествах через Афганистан, а также с внедрением фабрикатов Союза ССР». Железная дорога позволит насытить рынок товарами, обеспечить продвижение из Средней Азии в Таджикистан и его политическое и экономическое развитие. Заявители ставили также вопрос об организации почтового тракта Гузар-Дюшамбе, поскольку исключительно со ст. Гузар этим маршрутом отправлялись почта, литература, прочие государственные грузы, воинские части и происходили поездки правительственных работников. Из-за отсутствия инфраструктуры сложились «совершенно невыносимые условия»: почтовые отправления опаздывали на 2-3 месяца, более 1000 пудов их лежали без движения, а гужевое обращение было дорого. Из-за отсутствия транспорта быстро выросла контрабанда, контрабандисты за английские товары приобретали у населения золотые царские десятки по 16-20 червонных рублей за десятку, а также серебро, пушнину и пр.

Освобождение населения от сельхозналога обосновывалось разорением дехкан: «бедность его в настоящее время не поддается описанию». До 1917 г. на территории Таджикистана жили 782.326 чел., или 33% всего населения бывшей Бухарской республики. На 193690 десятинах посевной площади урожай составлял 11.119.600 пудов, в т.ч. пшеница – 69%, ячмень – 23,2, рис –

15,4, просо – 0,6% всего урожая. Выращивались также джугара, кунжут, лен, горох и др., население имело даже излишки. Но теперь ситуация резко ухудшилась: годовой бюджет дехкана составлял в среднем 28,73 руб. При очень высоких ценах на хлеб и обесценивании стоимости рубля это не покрывало даже нужды на хлеб для еды. Те, кто мог его продать, чтобы купить метр ситца, реализовали пшеницу за пуд в Дюшамбе по 3,5 руб., Кулябе – 4 руб., Кунгурте – 5 руб., Курган Тюбе и Сарай-Комар – 8 руб. за пуд. По решению Средазбюро в автономию было направлено 100 тыс. пудов пшеницы по цене не выше 2 рублей за пуд, но этого оказалось недостаточно. К тому же, имелся и международный аспект: Афганистан декларировал, что перешедшие туда граждане Таджикистана освобождаются полностью на 3 года от всех налогов, к тому же еще до 1917 г. входящие в республику Искандерская, Фольгарская, Матчинская, Машано-Фарабская, Басмандинская волости и весь Памир освобождались от налогов совершенно.

Принципиальное значение имело и возрождение добычи золота в автономии: по данным спецэкспедиции и Бухгосплана, она несомненно и бесспорно выгодна, прииски подготовлены, в них вложено много денег, а климатические, географические и экономические условия здесь лучше, чем при добыче золота в Северной Америке и Азии.

Не менее острой была задача обустройства столицы: Дюшамбе представлял из себя полуразрушенную деревню без мостовых, тротуаров, с распутицей 5 месяцев в год. Правительственные органы – ревком, партком и ряд наркоматов размещались в здании больницы, «там же и живут на столах работники». Наркомпрос, Наркомздрав, НКВД, НК РКИ, Наркомзем и ГПУ работали в глинобитных кибитках с земляными полами высотой в человеческий рост и без печей, они же служили жильем работников, коих в целом насчитывалось 400 чел. «Ни один работник не в состоянии продолжать работу в указанных условиях, о чем заявляем официально», – писали они и просили срочно выделить на решение проблемы 4.069.725 рублей. Требуемые площади рассчитывались из потребности 1 кв. сажени на человека, городу были необходимы театр для проведения съездов, собраний и пр. на 500 человек, общежитие на 150 человек, 125 жилых домов на 250 семей. Здесь также приводился железобетонный международный довод: «Зарубежный Восток, а с ним и наши басмачи

вынуждены будут сложить свое оружие перед Красным Таджикистаном, который в период своего оформления строится и расцветает, и результаты рабоче-крестьянского правительства будут очевидны для всех».

Еще один вопрос стал «настолько острым, что ни при каких обстоятельствах Правительство ТАССР обойти этот вопрос молчанием не может. Группами являются дехкане в ревком и НКпрос с просьбой дать учителей и дать школы. Процент безграмотности выражается в 99% всего населения». Узбекская республика из субвенционного фонда направила в автономию 125000 руб., но этого было недостаточно. Требовалось открыть минимум по 1 глинобитно-сырцовому зданию школы на 50 чел. в каждом кенте, всего 118, для чего в 1925 г. просили выделить 25% из 708000 рублей, остальные в 1926 г. (РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 215. Л. 1-25).

«Переселение» национально-государственно-го образования из одной «матрешки» в другую, наделение управленческого люда той или другой, не очень большой «матрешки», более высоко котировавшимися в советской номенклатуре статусными регалиями декларировалось как дополнительный и оправданный рычаг для скорейшего и успешного прогресса этнической общности. К примеру, в 1930 г. Каракалпакская АО, входившая в состав Казахской АССР, непосредственно вошла в состав РСФСР. Представитель Кара-Калпакии при Президиуме ВЦИК 15 декабря 1930 г. К. Аvezов попросил Секретариат Президиума ВЦИК немедленно опубликовать в центральных органах, особенно в «Известиях», постановление о выделении КАО, так как во всех оперативных планах «обслуживания и руководства» область по-прежнему включалась в состав Казахской АССР, «в результате чего Каракалпакия и КАСССР никогда не закончат размежевания и постоянно между ними будут возникать споры». Заведующий Отделом национальностей ВЦИК Н.Н. Нурмаков в марте 1931 г. вынужден был обратиться в союз союзов сельхозкооперации, наркоматы, ведомства и учреждения РСФСР по поводу того, что несмотря на постановление ВЦИК от 20 июля 1930 г. о выделении Кара-Калпакской АО (КАО) с непосредственным подчинением центральным органам РСФСР, «в ряде случаев в контрольных цифрах на 1931 год не выделяется отдельного плана» для области (ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 199. Л. 8, 2-5).

Уже в январе 1932 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) констатировало, что Казкрайком и Средазбюро

не приняли нужных мер к экономическому и партийному укреплению Каракалпакии, и 23 февраля 1932 г. Политбюро ЦК решило преобразовать область в автономную республику «ввиду большой удаленности ... от промышленных центров и от Москвы, а также ее особой экономической и культурной отсталости» (ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 685-688). Однако в новом статусе республика не могла развиваться вне регионального контекста, не связанного прямо с РСФСР, и 5 декабря была включена в состав Узбекской ССР.

Этническое картографирование к тому же не всегда отвечало интересам экономической интеграции, сложившимся исторически хозяйственным связям и производственным специализациям регионов. В частности, даже после размежевания в Средней Азии руководству республик приходилось сталкиваться с проблемами локаций хозяйственных объектов в приграничных зонах. В 1928 г., получив разрешение центра на строительство Сулюктинского цементного завода, киргизские власти обнаружили, что место для него было определено на территории Узбекистана. Глава СНК Киргизии Ю. Абдрахманов в связи с этим признался в дневнике: «Идиотское положение – сам возглавляешь правительство и не знаешь, где твоя граница» (Абдрахманов 1991: 114).

Заключение

Фактическое самоопределение могло состояться лишь при достаточном насыщении органов власти и управления национальными кадрами, которые в первую очередь должны были составить основу партийных структур на местах. В справке Орграспредотдела ЦК партии о национальном составе парторганов республик и областей от 1 августа 1925 г. констатировалось, в частности, что со времени XII съезда партии «задача вовлечения националов в руководящие парторганы, в общем, выполнена удовлетворительно». Лучшие примеры давали Армения и Чувашия, но в Крыму, Молдавии, на Украине, среди инструкторов в Белоруссии и в партаппаратах Востока националов было все еще недостаточно, особенно знающих национальные языки и работу среди женщин. «Намного слабее» происходил перевод делопроизводства на местные языки – почти во всей Украине, Белоруссии, Средней Азии (кроме районов бывшей Бухары и Хорезма, что вполне понятно), в ряде

мест Казахской АССР губкомы вели дела почти исключительно на русском языке, лишь в уездах в лучшем случае параллельно. На Северном Кавказе, в Ойратии и других местах дело тормозилось в том числе из-за незавершенности работы над составлением «азбуки народа или введения нового правописания». Партийные издания, занятия в системе политпросвещения велись на русском языке, в том числе из-за отсутствия литературы на национальных языках. Орграспред считал, что необходимо твердое и решительное исполнение решений съезда и IV национального совещания при ЦК партии, чтобы партия не оказалась «перед угрозой ослабления роли как руководителя масс, перед угрозой отрыва совпарата от партии» (ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 298-300). Решение проблемы имело комплексный характер, и требовало больших организационных усилий, финансовых и прочих вложений, обеспечения массового общего образования, и потому – значительно большего времени.

Довольно частые административно-территориальные изменения по всему СССР влияли не только на иерархию национально-государственных образований, но на конкретную организационно-управленческую деятельность на местах. При этом верховенство классового подхода над национальным считалось приоритетным. Секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе подчеркивал: «Вопрос о государственных формах существования отдельных наций – для нас производный, зависящий от вопроса о классовых взаимоотношениях. Мы не строим также фикции о децентрализованной федерации, как панацеи от закабаления народов...». Он обвинял автономии в центробежных тенденциях, которые содержались в проектах конституций автономных республик, представленных в Президиум ВЦИК. Некоторые положения в них, говорилось далее, трактуются «на основе отвлеченных предпосылок национального самоопределения», а не классовых требований текущего момента (Енукидзе 1926: 20-35).

И. Оайон пишет, что административно-территориальные изменения в Казахстане служили элиминации родовых отношений, поскольку

клановая идентичность и межродовое соперничество в условиях новой системы управления должны были сокращаться или вообще становились невозможными. Проведенное уже в 1928 г. районирование, по ее мнению, могло способствовать разобщению казахов при их внешнем территориальном единстве (Охайон 2006: 42-43). Но несмотря на определенные успехи в деактивации традиционных социальных сетей, власти в целом не удалось разрушить многовековые практики внутриэтнических взаимоотношений, прежде всего нормативного и регулятивного свойства, в т.ч. внутриэлитного взаимодействия по вертикали и горизонтали. «По существу Казкрайком партии утерял живую организационную связь с рядом райкомов» (Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие 1990: 63), – за этой констатацией партийного издания 1990 года стоит признание фактической деградации и хаотизации системы управления и ее кадрового состава. Эта объективная оценка соотносится с размышлением И.Оайон о различии между подходом и реальной практикой: «принцип нового административного деления должен был позволять осуществление глобального контроля всей территории, облегчение слежения за регионами, заселенными казахами, и их образом жизни и, как следствие, эффективно осуществление репрессивных мер: конфискацию, а позже коллективизацию и седентаризацию» (Охайон 2006: 46).

В современной историографии в целом утверждается понимание и признание активного участия местных элит в формировании не только границ разноразноуровневых субъектов советской федерации, но и проведении всей советской этнополитики, нациестроительстве и реализации модернизирующего советского проекта для всех народов СССР (Edgar 2004; Haugen 2004; Khalid 2015; Morrison 2017). История национально-территориального размежевания по-прежнему остается для историков важной дискуссионной темой, несмотря на наличие вполне репрезентативной документальной базы, которая еще может дополняться некоторыми источниками, способными детализировать определенные нюансы связанных с этим проблем.

Литература

- Абдрахманов Ю. (1991). 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе: Кыргызстан. 319 с.
- Абдуллаев К.Н. (2009). От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: Ирфон. 571 с.
- Алимова Д.А., Арифханова З.Х., Аширов А.А., Назаров Р.Р. (2006). Еще раз о проблемах этнологии в Узбекистане (в дополнение к дискуссии) // Этнографическое обозрение. № 3. С. 110-121.
- Баберовски Й. (2010). Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина». 855 с.
- ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 178. Л. 3.
- ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 199. Л. 8, 2-5.
- Далаева Т.Т., Султангалиева Г.С. (2022). Визуальная антропология новой социальной истории Казахстана XIX – начала XX вв. Алматы: ИД «Жибек Жолы». 240 с.
- Енукидзе А.С. (1926). Конституции автономных республик (в порядке постановки вопроса) // Советское строительство. № 3-4. С.20-35.
- История таджикского народа. Т. V. Новейшая история (1917-1941 гг.). (2001). Душанбе: Империял-групп. 752 с.
- Кадыров Ш. (2005). Политические технологии в советской и постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. № 4 (30). С.202-235.
- Коммунистическая партия Казахстана: организационно-политическое развитие. Справочник (1990). Алма-Ата: Казахстан. 293 с.
- Қоңыратбаев О.М., Жүнісбаев А.Ә. (2011). Мұсылман Бюросы – егемендік идеясының жаршысы (1919-1920 жылдар). Алматы: ИП «Уатханов баспасы». 246 б.
- Мартин Т. (2011). Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 гг. М.: РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». 662 с.
- Масов Р.М. (2005). Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе: Пайванд. 288 с.
- V Туркестанская краевая конференция РКП(б) (1920). Ташкент: ТуркГИЗ. 55 с.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 130. Л. 25.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 58об.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 61-62.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 129.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 70–83.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 136 с об.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 851. Л. 1-9.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 851. Л. 27-31.
- РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 23. Л. 1-7.
- РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 215. Л. 1-25.
- Россия и Центральная Азия. Конец XIX – начало XX века. (2017). Сб. документов. М.: Новый хронограф. 592 с.
- Свод Законов СССР (1925). № 19. 205 с.
- Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости (2000). Ташкент: Шарк. 672 с.
- Халид А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии (2021) // Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова). СПб: Алетей. С. 395-415.
- Ходжаев Ф. (1972). Избранные труды. Т. 2. Ташкент: Фан. 490 с.
- ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918-1933 гг. (2005) М.: РОССПЭН. 702 с.
- Этнический атлас Узбекистана. (2002). Отв. ред. А. Ильхамов. Ташкент: ИООФС - Узбекистан; ЛИА «Р. Элинина». 302 с.
- Bennigsen A., Broxup M. (1983). The Islamic Threat to the Soviet State. New York: St. Martin's Press. 170 p.
- Gorshenina S. (2021). Orientalism, Postcolonial and Decolonial Frames on Central Asia // <https://m.youtube.com/watch?v=ftWkfZNiG6o&feature=youtu.be> (дата обращения: 12.08.2021).
- Edgar A.L. (2004). Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Oxford: Princeton University Press. 296 p.
- Haugen A. (2003). The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. Palgrave Macmillan. 276 p.
- Hirsch F. (2005). Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell univ. press. 367 p.
- Northrop D. (2004). Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca; L.: Cornell univ. press. 392 p.
- Ohayon I. (2006). La sédentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Stalin. Collectivisation et chanement social (1928-1945). Paris: Maisonneuveet Larose. 416 p.
- Roshwald A. (2001). Ethnic Nationalism and the Fall of Empires Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923. London and New York Routledge. 288 p.
- Smith J. (1999). The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. New York: St. Martin's Press. 281 p.
- Kamp M. (2006). The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism. Seattle, WA; London: University of Washington Press. 320 pp.
- Khalid A. (2015). Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca and London: Cornell University Press. 440 p.

Keller Sh. (2001). *To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941*. London: Greenwood Press. 277 p.

Morrison A. (2017). *Stalin's Giant Pencil: Debunking a Myth About Central Asia's Borders* // Eurasianet. February 13.

References

- Abdrakhmanov Yu. (1991). 1916. *Dnevnik. Pis'ma k Stalinu*. [Diaries. Letters to Stalin]. Frunze: Kurguzstan. 319 s.
- Abdullaev K.N. (2009). *Ot Sintsyanya do Khorosana. Iz istorii sredneaziatskoy emigratsii XX veka*. [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the twentieth century]. Dushanbe: Ifron. 571 s.
- Alimova D.A., Arifkhanova Z.Kh., рифкханова З.Х., Ashirov A.A., Nazarov R.R. (2006). *Eshche raz o problemakh etnologii v Uzbekistane (v dopolnenie k diskussii)* [Once again about the problems of ethnology in Uzbekistan (in addition to the discussion)] // *Etnograficheskoe obozrenie*. № 3. S. 110-121.
- Baberovski I. (2010). *Vrag est' vezde. Stalinizm na Kavkaze*. [The enemy is everywhere. Stalinism in the Caucasus]. M.: ROSSPEN: Fond «Prezidentskiy centr B.N. El'tsina». 855 s.
- ГА РФ [State Archive of the Russian Federation]. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 178. Л. 3.
- ГА РФ [State Archive of the Russian Federation]. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 199. Л. 8, 2-5.
- Dalaeva T.T., Sultangalieva G.S. (2022). *Vizual'naya antropologiya novoy sotsial'noy istorii Kazakhstana XIX – nachala XX vv.* [Visual anthropology of the new social history of Kazakhstan of the XIX – early XX centuries]. Almaty: ID “Zhibek Zholu”. 240 s.
- Enukidze A.S. (1926). *Konstitutsii avtonomnykh respublik (v poriyadke postanovki voprosa)* [Constitutions of autonomous Republics (in the order of the question)] // *Sovetskoe stroitel'stvo*. № 3-4. S. 20-35.
- Istoriya tadjikskogo naroda. T. V. *Noveyshaya istoriya (1917-1941 gg.)*. (2001). [History of the Tajik people. T. V. Recent history (1917-1941)]. Dushanbe: Imperial-grupp. 752 s.
- Kadurov Sh. (2005). *Politicheskie tekhnologii v sovetskoj i postsovetskoj Central'noi Azii* [Political technologies in Soviet and post-Soviet Central Asia] // *Vestnik Evrazii: Nezavisimyy nauchnyy zhurnal*. № 4 (30). S.202-235.
- Kommunisticheskaya partiya Kazakhstana: organizatsionno-politicheskoe razvitiye. Spravochnik* (1990). [Communist Party of Kazakhstan: organizational and political development] Alma-Ata: Kazakhstan. 293 s.
- Қоңыратбаев О.М., Жүнісбаев А.Ә. (2011). *Мұсылман Бюросы – егемендік идеясының жаршысы (1919-1920 жылдар)*. Алматы: ИП «Уатханов баспасы». 246 б.
- Martin T. (2011). *Iimperiya "polozhotel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939 gg.* [The empire of “positive activity”. Nations and Nationalism in the USSR, 1923-1939.] M.: ROSSPEN: Fond «Prezidentskiy centr B.N. El'tsina». 662 s.
- Masov R.M. (2005). *Aktual'nye problemy istoriografii i istorii tadjikskogo naroda*. [Actual problems of historiography and history of the Tajik people.]. Dushanbe: Paivand. 288 s.
- V Turkestanskaya kraevaya konferentsiya RKP(b) (1920). [Turkestan Regional Conference of the RCP(b) (1920)]. Tashkent: TurkGIZ. 55 s.
- РГАСПИ [Russian State Archive of Socio-Political History]. Ф. 17. Оп. 2. Д. 130. Л. 25.
- РГАСПИ. [Russian State Archive of Socio-Political History]. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 58об.
- РГАСПИ. [Russian State Archive of Socio-Political History]. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 61-62.
- РГАСПИ. [Russian State Archive of Socio-Political History]. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 129.
- РГАСПИ. [Russian State Archive of Socio-Political History]. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 70–83.
- РГАСПИ. [Russian State Archive of Socio-Political History]. Ф. 17. Оп. 84. Д. 683. Л. 136 с об.
- РГАСПИ. [Russian State Archive of Socio-Political History]. Ф. 17. Оп. 84. Д. 851. Л. 1-9.
- РГАСПИ. [Russian State Archive of Socio-Political History]. Ф. 17. Оп. 84. Д. 851. Л. 27-31.
- РГАСПИ. [Russian State Archive of Socio-Political History]. Ф. 78. Оп. 7. Д. 23. Л. 1-7.
- РГАСПИ. [Russian State Archive of Socio-Political History]. Ф. 78. Оп. 7. Д. 215. Л. 1-25.
- Rossiia i Central'naya Aziya. *Konets XIX – nachala XX veka*. (2017). [Russia and Central Asia. The end of the XIX – beginning of the XX century.]. Sb. dokumentov. M.: Novyy khronograf. 592 s.
- Svod Zakonov SSSR (1925)*. [Code of laws of the USSR]. № 19. 205 s.
- Turkestan v nachale XX veka: Kistorii istokov natsional'noy nezavisimosti* (2000). [Turkestan at the beginning of the XX century: Towards the History of the Origins of National Independence]. Tashkent: Shark. 672 s.
- Khalid A. *Natsional'no-territorial'noe razmezhevanie Srednei Azii (2021)* [National-territorial division of Central Asia] // *Islam v Rossii i Evrazii (pamyati Dmitriya Yur'evicha Arapova)*. SPb: Aleteya. S. 395-415.
- Khodzhaev F. (1972). *Izbrannye trudy*. [Selected works]. T. 2. Tashkent: Fan. 490 s.
- TsK RKP(b)-BKP(b) i natsional'nyy vopros. Kn. 1. 1918-1933 gg. (2005). [The Central Committee of the RCP(b)-the CPSU(b) and the national question]. M.: ROSSPEN. 702 s.
- Etnicheskiy atlas Uzbekistana* (2002). [Ethnic Atlas of Uzbekistan]. Otv. Red. A. Il'khamov. Tashkent: IOOFS - Uzbekistan; LIA «R. Elinina». 302 s.
- Bennigsen, A., Broxup, M. (1983). *The Islamic Threat to the Soviet State*. New York: St. Martin's Press. 170 p.
- Gorshenina, S. (2021). *Orientalism, Postcolonial and Decolonial Frames on Central Asia* // <https://m.youtube.com/watch?v=ftWkfZNiG6o&feature=youtu.be> (дата обращения: 12.08.2021).

- Edgar, A.L. (2004). *Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan*. Oxford: Princeton University Press. 296 p.
- Haugen, A. (2003). *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*. Palgrave Macmillan. 276 p.
- Hirsch, F. (2005). *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell univ. press. 367 p.
- Northrop, D. (2004). *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca; L.: Cornell univ. press. 392 p.
- Ohayon, I. (2006). *La sédentarisation des Kazakhs dans l'URSS de Stalin. Collectivisation et changement social (1928-1945)*. Paris: Maisonneuveet Larose. 416 p.
- Roshwald, A. (2001). *Ethnic Nationalism and the Fall of Empires Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923*. London and New York Routledge. 288 p.
- Smith, J. (1999). *The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. New York: St. Martin's Press. 281 p.
- Kamp, M. (2006). *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. Seattle, WA; London: University of Washington Press. 320 pp.
- Khalid, A. (2015). *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. Ithaca and London: Cornell University Press. 440 p.
- Keller, Sh. (2001). *To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941*. London: Greenwood Press. 277 p.
- Morrison, A. (2017). *Stalin's Giant Pencil: Debunking a Myth About Central Asia's Borders // Eurasianet*. February 13